

ТАТЬЯНА УСТИНОВА

Кто придумал и напороочил любовь

«Не расстанусь с Ван Гогом» Екатерины Островской — по-настоящему новый роман. Великолепный и легкий детектив с закрученным, невероятно стремительным, но вполне логичным сюжетом, изысканной и тонкой любовной линией и совсем уж неожиданной развязкой. Нет-нет, все заканчивается, безусловно, хорошо, именно так, как мы любим, — сейчас я не выдаю тайну и не пытаюсь пересказать роман, я просто следом за автором обещаю: все будет хорошо!

А все-таки одну тайну я вам открою: в новом детективе Екатерины Островской развернулась охота за неизвестной картиной самого Ван Гога, и столько всего там произошло... И это мне тоже безумно нравится! Сразу вспоминается чудесный фильм «Как украсть миллион», где Николь Бонне строго допрашивала своего отца Шарля Бонне — гениального копииста и азартного мо-

шенника: «Это был твой Ван Гог или Ван Гог Ван Гога, папа?» И отец, глядя в пол, отвечал: «Мой, натурально!»

Великие произведения искусства самим фактом своего существования вдохновляют человечество. Их изучают в школах, они притягивают коллекционеров, за ними гоняются аукционные дома, ими любуются обыватели. О них спорят, снимают фильмы, их подделывают, похищают и разыскивают.

Но конечно же, особенной притягательностью для любого автора детективов обладают картины великих мастеров. Здесь открывается небывалый простор для маневра, какого-нибудь восхитительно неожиданного поворота сюжета. Еще бы! Гениальную картину может вожделеть каждый. А где страсть — там и преступление. Круг подозреваемых невероятно расширяется: здесь и помещавшийся знаток, и проигравшийся племянник, и скучающий эксцентричный богатей, и даже незаслуженно обойденный наследством старый дворецкий. А потом вдруг выяснится, что картина поддельная, и все вновь переворачивается с ног на голову.

«Не расстанусь с Ван Гогом» Екатерины Островской — не просто детектив, а настоящий мир, в котором есть место страсти, холодной логике, предательству и любви. Здесь лист старого холста хранит несметные богатства. На него как мотыльки на огонь слетаются прохвосты, негодяи и настоящие злодеи. Но в конце концов шедевр —

если он настоящий! — обязательно обретет настоящего хозяина.

Героиня романа Надя оказывается владелицей шедевра Ван Гога совершенно случайно, так сложились обстоятельства, что картину ей завещала очень милая и почти посторонняя старушка. И Надя — самая обыкновенная девушка, сотрудница никому не нужного журнала, который вот-вот отдаст концы, — оказывается втянутой в череду странных и загадочных событий. Бывший муж, которого давно и след простыл, вдруг является и клянется ей в любви — не угасла, мол, а возгорелась вновь; подозрительный тип, назвавшись экспертом, уверяет Надю, что картина краденая, ее должно вернуть, пока новую владелицу не обвинили в краже; какой-то подозрительный тип, то ли банкир, то ли бандит, мечтает заполучить Ван Гога всеми возможными способами. Как тут разобраться?.. Как узнать, подлинный шедевр или поддельный?.. Как определить, кто друг, кто враг? И — самое главное! — все эти коллизии начались с появлением в Надиной жизни Ван Гога!..

До самой последней страницы я все гадала, как-то они разберутся — Надя и Ван Гог?.. И мне так хотелось, чтобы разобрались правильно, вовремя и без потерь!..

Екатерина Островская не подвела. Ван Гог остался цел и невредим и обрел настоящего владельца, который уж точно не даст его в обиду!

Екатерина ОСТРОВСКАЯ_____

И любовь, конечно!.. Любовь к неподходящему и странному человеку, который оказался вполне подходящим — как и положено. И неизвестно, кто эту самую любовь придумал и напророчил: то ли автор романа Екатерина Островская, то ли посторонняя старушка, завещавшая героине шедевр, то ли сам Ван Гог!..

Часть первая

Глава 1

Домой она вернулась поздно. Прошел еще один день — суматошный и пустой, как и все последние дни убегающей куда-то жизни. И хотя жизнь еще вся впереди, Надя прекрасно понимала это, но думать, что вся она будет такой же суматошной и жестокой в своей бессмысленности, не хотелось. И делать по дому ничего не хотелось. В мойке скупала посуда, не мытая со вчерашнего вечера, — притрагиваться к ней не находилось желания. А есть не хотелось по нескольким причинам сразу: во-первых, надо было что-то готовить, но ведь на это уйдет время, потом, во-вторых, опять же посуду придется мыть, однако главное, в-третьих, поздно уже ужинать — начало девятого.

Надя пила чай с сухариками, без всякой мысли уставившись в экран телевизора, с которого похожие на стриптизерш размалеванные девчонки, крутя едва прикрытыми задницами, вопили о своей огромной и бескорыстной любви.

Зазвонил телефон. Брать трубку не хотелось, но телефон продолжал настаивать. Надя протянула руку, не зная, что сделать сейчас: взять пульт

и усилить звук телевизора, чтобы больше не слышать звонка, или все же ответить на вызов.

Ты пришел ко мне-е, ко мне-е
Со своим большим-им, большим-им,
Большим и чистым,
Чистым чувством... —

орали с экрана девчонки.

Надя подняла пульт и переключила приемник на другой канал, где шла перестрелка. А потом подняла трубку.

— Я уж думала, тебя дома нет, — донесся голос Татьяны, — хотела уж на мобильник тебе звонить.

— Я дома, — подтвердила Надя и поразилась глупости собственной фразы: зачем объяснять, если Татьяна и так звонит на домашний номер? — Кстати, мобильник у меня еще днем разрядился.

Батарейка и в самом деле села, надо не забыть поставить телефон на зарядку.

— Можно я к тебе приеду? — попросила Татьяна. И, словно понимая, что может услышать отказ, как-то уж очень быстро включила грусть в голос: — Дело в том, что у меня несчастье случилось. Можно сказать, горе. Ивана Семеновича нет. — Татьяна вздохнула и всхлипнула.

— Поздно уже, — попыталась отговориться Надя. — А завтра у меня...

— Ты не поняла, — перебила подруга, — Ивана Семеновича совсем нет: его убили.

— Ка-ак? — не поверила Надя.

— Очень просто. В конце дня поехал в комитет по управлению инвестициями, а когда выходил из машины, упал. Водитель выскочил, чтобы помочь ему подняться, а он уже, оказывается, мертвый. Ему прямо в сердце попала пуля...

Надя молчала, потому что не знала, как выражают соболезнование в подобных случаях. И Татьяна быстро воспользовалась паузой:

— Теперь я вдова. А горем мне не с кем поделиться. Я так переживаю — ты даже представить не можешь! Через полчаса я подскочу к тебе, вместе Ивана Семеновича и помянем.

Глава 2

Семь лет назад Надя получила диплом. Всем курсом отметили окончание вуза грандиозной пьянкой в арендованном на ночь кафе. Веселья было больше, чем настоящей радости: крики, вопли, танцы с падениями и битьем посуды. Домой она возвращалась под утро на такси. Рядом сидел нетрезвый Вася Горелов, который поначалу попытался ее обнять, потом обижался всю дорогу, а когда машина остановилась у подъезда, сделал еще одну попытку, спросил:

— В гости не пригласишь... вроде того, что кофе попить?

— Вася! — тихо возмутилась Надя, чтобы не слышал водитель. — Я же замужем!

— Ну да, у тебя же твой Сашка, — будто бы только теперь вспомнил сокурсник. — Но ты учти: актеры — народ непостоянный.

Надя промолчала — не спорить же с пьяным дураком. Про актерскую жизнь она знала многое и могла бы Горелову наговорить с три короба.

У нее ведь и отец, и мать служили в театре. Правда, им пришлось перебраться в провинцию, где ставки были немного меньше столичных, зато при распределении ролей о них не забывали, так как художественный руководитель провинциального театра был их сокурсником и другом. Родители очень быстро получили служебную квартиру, а Надя осталась одна в Питере, в двухкомнатной. Она как раз первый курс закончила, когда отец с матерью спешно собрались и уехали, стараясь успеть обосноваться на новом месте до открытия театрального сезона.

Родители присылали ей деньги, не так чтобы много, но благодарная дочь понимала — ей отправляют последние. Но иногда папе с мамой предлагали эпизодические роли в сериалах, и тогда они подкидывали дочке немногим больше обычных выплат. Работу свою они не просто любили — обожали. Однако мама давным-давно взяла с дочери слово, что та не пойдет в актрисы. Отец не запрещал, но Надя и так знала, что он полностью согласен с мамой, так как соглашался с ней во всем. Узнав, что дочь собирается на театроведческий факультет, скривился уголком рта, а потом махнул рукой.

— Ладно уж! Только замуж за актера не выходи никогда — даже под угрозой смертной казни.

— Я и не собираюсь, — ответила Надя твердо.

И обманула. А может, просчиталась. Но это только потом выяснилось, что просчиталась. Когда же выходила замуж за Сашу Холмогорова, была счастлива. Пугало только одно — как сообщить об этом родителям. Потом, конечно, все образовалось: Саша был не просто красавцем, но и очень обаятельным — понравиться тестю с тещей ему труда не составило. Вот только почему он выбрал именно Надю, она и сама не могла понять: по коридорам театрального института красавицы ходили толпами, а самые красивые — поодиночке. Надя была самой обыкновенной.

Домой после лекций она возвращалась пешком. Полчаса прогулки, как ни странно, снимали накопившуюся за день усталость, так что вечером хватало сил просмотреть конспекты лекций, полистать театральные журналы или почитать какую-нибудь книгу из серии «Жизнь замечательных людей» или из серии «Жизнь в искусстве». Родители долгие годы собирали эти книги, покупали или обменивались с другими поклонниками замечательных людей.

Чтение очень увлекало Надю, хотя на личную жизнь время все же оставалось. На первом курсе она встречалась как раз с Васей Гореловым. Однако недолго: однокашник оказался слишком нетерпеливым, а Надя не могла не подумать о том, стоит ли ей заводить близкие отношения с человеком, кото-

рого она не любит всей душой. Вася был веселым и щедрым, часто занимал деньги у сокурсников, чтобы сводить Надю в кафе. Потом ему одалживать перестали, но к тому времени они уже перестали встречаться, и Горелов стал отлавливать девушек с актерского. В конце первого курса в ее жизни появился будущий режиссер Решетов, и Надя уже почти решилась, но тут, как-то некстати, закончилась летняя сессия, Решетов умотал к родителям в Нижний Новгород, оттуда он позвонил пару раз. В первый спросил, чем Надя занимается, но разговор долгим не получился, а позвонив во второй раз, произнес с удивлением: «Ой, это ты?» После чего помолчал несколько секунд и признался: «Я, кажется, в своем мобильнике не ту кнопку нажал». После чего отключился. Осенью он сам подошел к ней в институтском коридоре. Говорил ни о чем и так спокойно, словно до этого не было поцелуев и его признаний. Надя не столько расстроилась, сколько обиделась. Чуть не расплакалась даже. Но в институте рыдать было не очень удобно, а потому она решила отложить слезы на вечер, чтобы дать волю чувствам в непринужденной обстановке при отсутствии родителей.

И как раз в этот день к ней подошел поджидавший ее возле институтского крыльца Саша Холмогоров. Подошел и предложил:

— Давай домой провожу? Если ты не против, конечно.

Надя пожала плечами. Но тут же поняла, что это не слишком учтиво, а потому, кивнув, произнесла с грустью:

— Путь не близкий.

— Это хорошо, — обрадовался Холмогоров, — значит, будет время пообщаться.

Они не спеша прошли вдоль стен старого здания, мимо строя хмыкающих им вслед девушек с актерского. В свой помятый ржавеющий «Опель» садился будущий режиссер Решетов, за машиной которого прятался от кредиторов Вася Горелов, с тополей медленно слетали начинающие желтеть листья. А над пыльными кронами, над обшарпанными крышами, над людскими проблемами целеустремленно тянулся к югу косяк журавлей. Осенний день светился все понимающей улыбкой, окружающее таяло в нем и стихало. Лишь какой-то перестук слегка будоражил вселенную, словно где-то далеко-далеко мчался в неизвестность скорый поезд. Надя попыталась понять, что означает этот звук, почему нет ничего в мире, кроме него, и не сумела. И откуда он вдруг появился, тоже было непонятно. Холмогоров что-то рассказывал, но его слова не доходили до сознания Нади. Она, правда, кивала ему и улыбалась даже.

— В десятом классе я чуть не вылетел из школы за прогулы, — говорил Саша. — В наш городок приехала съемочная группа, и я устроился рабочим на площадку. Естественно, и в массовку попадал, что для меня уже было величайшим счастьем. Потом дали мне эпизод со словами. Накануне я целый ве-

чер разучивал текст, произносил его с разными интонациями: «Мужик, у тебя закурить не найдется?» или «Мужик, у тебя закурить найдется?». Вот таким дураком был: надеялся, что режиссер заметит мой талант и предложит мне главную роль в следующем своем фильме.

Только сейчас Надя поняла, что стучит в центре мироздания, — это колотилось ее собственное сердце.

— А помог мне не талант, а случай, — продолжал Саша. — Фильм был о детском доме в захолустном местечке, каковым мой родной город и является до сих пор в полной мере. Исполнителя главной роли, как и всех артистов, привезли из Москвы. И вдруг выяснилось, что паренек этот, очень типажный, кстати, сам сидит на таблетках, а когда их нет, нюхает клей. С мешком на голове, в отключке, его и застукали. Ладно бы режиссер застукал, а то ведь поймал какой-то проверявший ход съемочного процесса представитель из Министерства образования: фильм ставился на бюджетные деньги.

Пацана кое-как привели в чувство, а дальше случился скандал — проект хотели закрыть. Тогда режиссер сообщил, что у него есть запасной вариант, и показал меня. Сценарий кое-как переписали. Любителя нюхать клей оставили на пару дней, пересняли пару-тройку эпизодов, досняли другие — по новому сценарию бывший главный герой бросался под поезд. А потом уж стали снимать меня: как я переживаю смерть друга и встаю против существующих в детском доме порядков.

— Я смотрела фильм, ты был очень убедителен, — признала Надя. — Мы с мамой вместе ходили в кинотеатр. Ты ей тоже понравился.

— Нина Черкашина ведь твоя мать? — спросил Холмогоров, хотя наверняка и знал это.

Надя кивнула.

— На первом курсе я был на спектакле с ее участием, — сообщил Саша. — Она прекрасная актриса, жаль, что из театра ушла.

— Мама не ушла, а перешла в другой. Там у нее все главные роли. И отец занят почти во всех постановках.

Саша промолчал. Вероятно, он знал и об этом.

Они почти час шли вдвоем, но дорога до парадного ее дома показалась Наде в этот день удивительно короткой.

— Завтра позволишь сопровождать тебя? — спросил Холмогоров.

— Буду рада, — согласилась Надя.

Она вошла в квартиру. Плакать по потерянному Решетову уже не хотелось, наоборот, хотелось смеяться и петь. На месте не сиделось. Подойдя к книжной полке, Надя не глядя вытащила книгу и сама удивилась тому, что взяла ее, ведь не собиралась читать. Закрыла глаза и загадала, что откроет и посмотрит на обложку: если книга об актере, то Холмогоров до конца года сделает ей предложение. Открыла и посмотрела. Сомерсет Моэм, «Луна и грош». Поставила книгу обратно на полку, повернулась к стеллажу спиной и, стараясь не оборо-

чиваться, взяла другую. Посмотрела: «Театр» того же Моэма.

— Ну что ж, — произнесла она вслух, — значит, до конца года не успеет, осталось-то всего три месяца с небольшим, а вот после Нового года...

Но Саша успел.

Месяц он провожал ее. Недели две просто так — до парадного, потом до лестничной площадки, потом... Потом она сама пригласила его пообедать. Раз, другой... Вечером пили чай, и Холмогоров спешил к себе в общагу. А еще встречались во время перерывов между занятиями. И болтали, болтали, болтали. О всякой ерунде, но более всего о театре.

Однажды она не увидела его в институте. Подошла к двери, за которой шло занятие по актерскому мастерству, чуть приоткрыла дверь и услышала голос мастера:

— Ну, кто так двигается, милочка? Девочки на трассе более элегантны, чем ты. Кто ты у нас сегодня, Нина Заречная, кажется? Не слышу!

— Да, Нина Заречная, — тихо подтвердил дрожащий голосок какой-то студентки.

— О! — согласился педагог. — Значит, мы все-таки готовим к постановке чеховскую «Чайку», а не пьесу какого-нибудь нынешнего Пупкина о жизни вокзальных шлюх... Кто там за дверью? А ну закрыть быстро!

Надя захлопнула дверь и понеслась прочь.

Как оказалось, Холмогоров простудился и на занятия не пошел. Тогда она купила лимоны, соки,

выгребла из домашней аптечки лекарства и помчалась к нему.

В комнате было сильно накурено. Из-под треснутого потолочного плафона слабо пробивался тусклый электрический свет. За столом сидели трое парней — соседи Холмогорова по комнате и две незнакомые девицы. Перед ними толпой стояли бутылки с вином и пивом. Надя вошла внутрь и задохнулась от разьедающего глаза дыма.

— А где Саша? — спросила она, потому что разглядеть что-либо было невозможно.

Один из студентов взял со стола бутылку, стал наполнять стаканы и, не глядя на вошедшую, бросил:

— Вы по какому вопросу?

А второй мотнул головой в сторону кровати.

— Вон он лежит. Только не подходите к нему, держитесь на порядочном расстоянии — звезда экрана может быть заразной... То есть заразным.

Девицы разглядывали Надю и курили, мощно, как паровозы, выпуская клубы дыма.

Она подошла к кровати. Холмогоров лежал тихо, накрывшись одеялом с головой. Надя отогнула одеяло и коснулась ладонью его лба. Тот был очень горячим. Саша осторожно снял со лба ее ладонь и поднес к своим губам, прошептал:

— Прости...

— Подняться можешь? — тихо спросила она. — Тебе нельзя здесь оставаться.

Потом Надя помогла ему спуститься по лестнице, усадила в холле, а сама выскочила на улицу.

Как назло, долго не удавалось поймать такси. Когда наконец она подвела Сашу к автомобилю, водитель хотел тут же уехать прочь, заявив:

— Пьяных не вожу.

— Он болен, — объяснила Надя.

— Тем более, — покачал головой таксист.

И все же согласился — за двойной тариф. Пока ехали домой, Надя прижимала Холмогорова к себе и тихо говорила:

— А я тебе бульончик куриный в термосе принесла. Ну, ничего, дома съешь. Еще у меня есть малиновое варенье, лимончики...

— Я вишневое больше люблю, — шепнул Саша и закашлялся.

Так он остался у нее жить. Неделю Надя выхаживала его. А когда Холмогоров поправился, вдвоем поехали в институт. Вернулись днем, и больше он уже не уходил.

Новый год решили встретить дома. Накануне готовили вместе закуски. Саша вдруг произнес:

— Давно хочу тебя попросить кое о чем.

— Попроси, — отозвалась Надя, нарезая колбасу для оливье.

Холмогоров снял фартук, опустил на одно колено возле кухонного стола, взял Надину руку, вынул из нее нож и, положив его на столешницу, тихо, но проникновенно произнес:

— Я прошу тебя быть моей женой.

Конечно, он понравился ее родителям. А может, те промолчали, потому что видели, что их дочь счастлива...

Семь лет назад Надя закончила институт. Участвовала в общей пьянке, вернулась домой, отшив Васю Горелова, и сразу легла спать. Днем она должна была лететь в Ялту, где шли съемки фильма, в котором был занят Саша. На самом деле приглашение на картину получила мама Нина, но она уговорила ассистента по подбору актеров включить в состав съемочной группы мужа и зятя. Отцу Нади досталась роль второго плана, а Саше предложили участвовать в нескольких эпизодах. Он должен был отсняться и вернуться еще до защиты Надей диплома, но его работа понравилась режиссеру, и количество эпизодов с его участием решили увеличить. Холмогоров позвонил из Ялты, долго рассказывал о съемках, а перед тем как попрощаться, вспомнил:

— Я заказал тебе билет на самолет. Прилетай, а то без тебя совсем невмоготу.

Глава 3

Две недели Надя провела в Крыму. Саша возвращался в гостиницу поздно, от ужина отказывался. Вдвоем они устраивались на балконе возле маленького столика, на котором едва умещалось блюдо с виноградом и бутылка местного сухого вина. С балкона было видно море и уходящее за горизонт солнце. Море постепенно исчезало во мраке, а на небе появлялись звезды.

В одну из ночей предполагалось снимать эпизод с участием Саши. Надя пошла, разумеется, на площадку, а потом пожалела. По сценарию персонаж

Холмогорова был брачным аферистом, который знакомился с богатыми девушками на отдыхе, заводил с ними романы со всеми полагающимися эпизодами, а потом разводил легковых возлюбленных на крупные суммы. Ночью он должен был участвовать в сцене купания с очередной подружкой под звездами. Причем исполнительница главной роли и Саша должны были купаться голышом. Но в сценарии-то стояло, что курортный город накрыла темная ночь, а на съемочной площадке оказалось светлее, чем днем. Глаза слепили прожектора и софиты, Надя прикрывала глаза рукой, а потом и вовсе отвернулась, потому что смотреть, как голый Саша прижимает к себе голую исполнительницу главной роли, целует ее и увлекает в набегающую волну, было невыносимо. Режиссер просматривал на мониторе отснятый материал, а потом кричал:

— Снимаем еще раз — море бликует, ни хрена не разобрать.

Эпизод повторили раз пять. Потом оператор наконец догадался направить пару прожекторов поверх волны.

Голый Холмогоров вышел из моря, ведя за руку стройную девушку, которая даже не пыталась прикрыть хоть как-то свою наготу. Актриса подняла с пляжного лежака уставшее от ожидания полотенце, начала растирать свое тело, а потом крикнула в спину уходящему Надиному мужу:

— А ты меня убедил! Еще немного, и я бы тебе и в самом деле отдалась...

Слышать это было неприятно.

Отец подошел к Наде и шепнул, чтобы никто не слышал:

— Оборотная сторона профессии. Придется терпеть.

Через две недели Надя уехала. Саша проводил ее до вокзала, поцеловал и не стал дожидаться отправления поезда, сказав, что отпросился всего на пару часиков. Она смотрела ему вслед, смотрела пристально, надеясь, что муж обернется, увидит ее глаза и останется, хотя бы для того, чтобы сказать ей те слова, которые говорят друг другу при расставании только самые близкие люди, не умеющие жить в разлуке. Но Холмогоров лишь ускорил шаг, пробиваясь сквозь толпу провожающих и отъезжающих, — высокий и стройный. На него оборачивались женщины, молодые и не очень.

Рядом армянин прощался с молоденькой девушкой. Держал ее за руку и пристально глядел в глаза.

— Я тебе вот что скажу, — говорил армянин. — Когда ты уедешь, у меня другого такого женщина не будет. У меня, может, теперь совсем женщина не будет. Ты поскорее делай свои дела и приезжай сюда опять. Ты ведь хочешь этого делать?

— Да, — кивнула девушка, — мне очень тяжело с тобой расставаться. Здесь столько солнца и моря.

— Эх, — покачал головой армянин, — ты еще озера Севан не видела. Там такой солнце — смотреть на него не надо, ослепнуть можно. Будешь потом всю жизнь с черными очками ходить.

Надя повернулась, чтобы войти в вагон, и услышала, как провожающий армянин деловым голосом напомнил девушке:

— Ты, как приедешь, сразу... Понял меня? Сразу, не надо ждать, а моментально пришли мне деньги, что я давал тебе в долг. Я тебя умоляю...

— Я помню, — ответила та, — как приеду, сразу вышлю.

Поезд уже тронулся, когда в купе, в котором должна была ехать Надя, вошла та самая девушка. Поставила на полку чемодан и спросила:

— А мы вдвоем поедем?

— Еще бабушка с внуком, сейчас они в коридоре в окно смотрят.

— Это ладно, можно потерпеть. Главное, что мужиков нет, надоели уже своими приставаниями.

И засмеялась.

Так Надя познакомилась с Таней Бровкиной.

Попутчице было восемнадцать. Год назад она закончила школу и отправилась в Москву поступать в театральный. И, конечно, потерпела фиаско. Теперь Бровкина трезво смотрела на жизнь, рассчитывая поступить на экономический факультет Технологического университета.

— В театральный я больше ни ногой, — покачив головой, заявила Татьяна. — Не скажу, что у меня полное отсутствие таланта, даже наоборот, в той студии, которую я посещала, все главные роли были моими, и наш руководитель Максим Исакович меня особо отмечал. В театральный поступают не обязательно по способностям, чаще или через

постель, или за большие деньги, а я не такая. Буду лучше работать экономистом, специальность хорошая. Вон их сейчас сколько, экономистов-то, и никто из них вроде на жизнь не жалуется. И, главное, без всякой постели абы с кем ради карьеры.

Услышав ее слова, пожилая женщина, соседка по купе, снова повела внука в коридор — показывать вид на горы.

— Столько сейчас наглых девиц, готовых на все, чтобы в жизни пристроиться, — продолжала, вздохнув, Бровкина. — Как жить в таком мире, просто не знаю!

Она ездила в Крым отдыхать. У матери нашлась там какая-то подруга, обещавшая предоставить Тане комнату с видом на море.

— Если бы я знала, сколько эта хапуга сдерет с меня за крошечную каморку, никогда бы не поехала. И, кстати, до моря оказалось три остановки на автобусе. За проезд плати, за жилье плати, за питание отдельно. Деньги быстро кончились, пришлось у соседа-армянина на обратный билет занимать...

Обеих никто не встречал. Бровкина надеялась, что на вокзале увидит старшую сестру, которая училась как раз в технологическом и жила в общежитии. Но той что-то, видимо, помешало прибыть на вокзал, и Таня сама потащила свой чемодан к метро, болтая обо всем подряд и крутя головой по сторонам. Надя шла рядом, слушала попутчицу, но думала о Саше. При расставании она продиктовала новой знакомой номер своего телефона, подумав, что никогда уже не увидит девушку.

Однако Татьяна позвонила поздним вечером того же дня.

— У меня неприятности, — сообщила она. — В общежитии для меня не нашлось свободной койки, и мне не у кого попросить о помощи — я никого здесь не знаю. Можно приеду к тебе переночевать? С утра пойду искать себе жилье. Ты же мне не откажешь...

Приехала Бровкина на удивление быстро, словно звонила из соседнего двора. Влезла в чужие тапочки, которые едва не треснули от подобной наглости, и вошла в гостиную. Старая мебель ее не восхитила, а вот фотографии на стенах новая знакомая рассматривала с большим интересом. Остановилась перед большим портретом молодой дамы в пышном платье и в шляпке с вуалью.

— Это твоя прабабушка? — спросила равнодушно.

— Нет, моя мама в роли Кручининой в пьесе «Без вины виноватые» Островского, — объяснила Надя.

— А-а-а... — так же равнодушно отреагировала гостья.

Перед фотографией отца Татьяна задержалась несколько дольше.

— Солидный мужчина. Только почему в бане сфотографировался?

— Это он в роли Ксанфа. Ему как раз Эзоп говорит: «Ксанф, выпей море!»

— Так у тебя родители артисты, что ли?

Надя удивилась, как можно интересоваться очевидным, и все же тихо подтвердила:

— Ну да.

Гостья сделала еще шаг, и глаза у нее округлились. Татьяна чуть не взвизгнула, но голос тут же у нее пропал.

— Александр Холмогоров... — выдохнула она.

Теперь уже удивилась Надя.

— Ты его знаешь?

— Кто ж его не знает! Я еще в школе смотрела фильм про детский дом. И каждый раз ревела. Сестра тоже ревела, с мамой истерика была, а соседка наша, такая, я тебе скажу, прожженная тетка, вообще... — Умолкнув на секунду, Бровкина обернулась к хозяйке квартиры: — Ты на нем тоже зависаешь?

— В некотором роде.

— Еще бы! Потом был фильм про чеченскую войну, где он в одиночку перевал держал, а его девушка в тот момент в ночном клубе зажигала. Перед смертью ей звонил, но та из-за музыки звонка не слышала. За ней там один парень как раз увивался...

— Я в курсе, — сказала Надя, едва сдерживая улыбку.

— А откуда у тебя этот снимок? — спросила Татьяна.

— Вообще-то Саша мой муж, — призналась Надя, — мы уже больше трех лет женаты.

Бровкина побледнела, потом начала багроветь. Снова взглянула на портрет Холмогорова, после чего начала рассматривать хозяйку квартиры, словно не зная, верить той или нет.

— И ты молчала столько времени! Тоже мне, подруга называется...

Подругами они тогда еще не были.

Ночью Татьяна вышла на кухню и, увидев сидящую с книгой Надю, вздохнула:

— Я тоже уснуть не могу: столько впечатлений! Разве я могла представить, какие у тебя связи?

У Бровкиной связей не было никаких. Отца своего она помнила плохо — мужчина замерз на зимней рыбалке, когда младшей дочери едва исполнилось шесть лет. Ранней весной лед на озере подтаял, все рыбаки ушли, а он остался сидеть возле своей лунки. Ночью ударил мороз. Следующим утром на лед пришли новые рыбаки, которые сначала не обратили внимания на неподвижного человека, а когда все же подошли, увидели, что тот мертв, весь заледенел. У него даже валенки ко льду примерзли — пришлось весь низ отрезать. После этого мать пыталась еще пару раз сходить замуж. Но один муж сбежал, прихватив семейные накопления и кое-что из вещей; а второй сильно пил и в отсутствие жены приставал к обеим падчерицам. Таня спокойно рассказывала об этом, хлопала пышными ресницами и поправляла вырез на старенькой блузке, под которым едва уместалась большая грудь.

Вполне вероятно, Бровкина догадывалась, что она не красавица. Но обаяние в ней, вне всякого сомнения, присутствовало — обаяние молодости и наивности. Таня была среднего роста, однако носила обувь на высоком каблуке, а потому вос-

принималась окружающими высокой. Бедра у нее были немного широковаты, и значительная часть мужчин именно потому и оборачивалась ей вслед. Бровкина знала об этом и умела своими бедрами правильно управлять. К тому же и талия у нее присутствовала. Еще девушка очень искренне наивно хлопала ресницами.

— Без образования сейчас никуда, — вздыхала Бровкина. — В моем родном городе никаких перспектив. Сестра даже на каникулы домой не приезжает. Да и чего у нас делать? Грязь одна, никакой культуры. Парни все поголовно дебилы и алкаши, а девочки такие, что... И тоже алкашки.

Надя с гостьей сидели на кухне. Книга, разумеется, была отодвинута в сторону. Сначала девушки пили чай, потом Надя вспомнила, что в доме есть литровая бутылка мартини.

— Культурной жизни никакой, — печально повторила Татьяна, — а без нее мне...

Она осушила рюмку и отломил кусочек шоколадки.

— Но театральная студия у вас все-таки имеется? — вспомнила Надя.

— Ага, — согласилась Бровкина, — для дебилов.

Утром встали поздно. После обеда Бровкина отправилась искать жилье. Но вскоре вернулась растерянная: как выяснилось, ей не по средствам снимать не то что квартиру, но и комнату в самой убитой коммуналке. Оставалось лишь надеяться на то, что ей, как абитуриенту, предложат место в студенческом общежитии. Девушка стала соби-

рать свои вещи, но Надя вдруг предложила пожить у нее. Вот когда Таня поступит на учебу, вопрос с местом проживания решится сам собой, а пока... Предложила и сама удивилась своей доброте. Бровкина осталась.

Через неделю вернулся Саша. Посмотрел на Татьяну и шепнул жене: «Пусть поживет пока, раз ей негде сейчас». Уж он-то хорошо знал, как нелегко приедем в общежитии. А Татьяна словно хотела угодить хозяевам: наводила порядок в квартире, бегала по магазинам, готовила еду. Готовила, кстати, лучше Нади. Вероятно, потому что мать ее была не актрисой, а поваром. И надоедать она не хотела — убегала по утрам на консультации и подготовительные занятия.

То, что новая подруга взяла на себя всю работу по дому, Надю в общем-то обрадовало, правда, ей было немного неудобно — вроде как она заставляет батрачить на себя девочку, у которой и без того забот полон рот. И все-таки жить стало немного проще. Теперь, когда Надя начала работать, ей не надо было спешить домой, забегать в магазины и тащить набитые провизией пакеты домой, чтобы встать у плиты. Она возвращалась с работы, где ее уже ждали приготовленный подругой ужин и Саша.

За стол садились втроем, не торопясь ели и разговаривали о всякой всячине.

Саша почти всегда интересовался у Татьяны, какой конкурс в технологический, на какие предметы ей стоит обратить особое внимание. Таня отвечала подробно и говорила: «Думаю, с поступле-

нием проблем не будет, я уже познакомилась с преподавателем, который будет экзамены принимать. Он так на меня смотрит!»

Вскоре Холмогорову пришел вызов на очередную картину. А перед самым его отъездом у Бровкиной был первый экзамен, который девушка успешно... завалила.

Татьяна сидела на кухне, парализованная несправедливостью жизни, смотрела прямо перед собой на кафельную плитку на стене над мойкой и не могла даже плакать. Надя пыталась успокоить ее, говорила, что не все потеряно, надо верить в себя и в свои силы, необходимо работать, готовиться, биться за свое место в жизни, и тогда удача придет. Но Бровкина не слышала ее слов.

Тут на кухню вошел Холмогоров и пообещал чем-то помочь, сказал, что с утра съездит в приемную комиссию и постарается договориться о передаче. Он погладил Таню по плечу, потом наклонился и коснулся губами ее волос. И тогда Бровкина... Нет, не заплакала, не зарыдала — завывала. Громко и страшно завывала, как загнанный зверь, который понял, что бежать уже некуда, спасения нет — еще секунда, раздастся выстрел, и все оборвется...

Татьяна подняла лицо и, закрыв глаза, чтобы не видеть серый в трещинках потолок, сквозь хрип раздираемого страданием горла, выдавливая из себя всю боль и весь ужас происходящего, заорала:

— Ы-ы-ы-ы-ы!!!!

Саша сделал все, как и обещал. О пересдаче экзамена, правда, не договорился, зато познакомился с какой-то дамой из ректората, поговорил с ней в служебном кабинете, потом пригласил пообедать в артистический подвальчик на Моховой. Он едва успел к своему рейсу. Даже домой не заскочил. Позвонил из аэропорта и сообщил, что Бровкину обещали зачислить на заочное отделение. Только надо заявление переписать и снова сдать экзамены, которые у нее обязательно примут.

Глава 4

Надя работала в редакции журнала «Театральная жизнь». В основном, конечно, приходилось писать рецензии на театральные постановки. Много времени это не отнимало, однако приходилось посещать премьеры и заезжие антрепризы. Иногда она брала с собой в театр и Татьяну. Встречая знакомых, представляла им Бровкину:

— Моя подруга Таня.

Говорила так искренне, потому что тайн друг от друга у них не было. Да и какие могут быть тайны, если они живут в одной квартире, вместе садятся за стол и даже спят рядом, пусть в разных комнатах, но разделенные лишь тонкой стенкой.

Бровкина училась заочно, что не отнимало у нее много времени. Работать она устроилась офис-менеджером в фирму по продаже строительных материалов и получала больше Нади. Саша почти все время находился на съемках, приезжал или приле-

тал на пару дней, а потом мог на месяц исчезнуть. Или на две недели. Но все равно без него Наде было немного тоскливо.

Хотя Татьяна скучать ей не давала. Девушка постепенно осваивалась в городе, заводила знакомства и каждый вечер подробно рассказывала о том, что с ней происходило днем. Как ни странно, но Надю эти рассказы увлекали, она внимательно слушала, иногда смеялась, а иногда сочувствовала. У Бровкиной уже появились поклонники, некоторые из них даже делали предложения, не всегда пристойные, правда. В близком общении Татьяна отказывала всем. Могла, конечно, сходить с кем-то в ресторан, в ночной клуб или в кегельбан, но на том все и заканчивалось. Почти все ее поклонники были женатыми, а те, что оставались свободными, Бровкину как-то не вдохновляли.

Надя иногда и сама удивлялась, как она так легко сошлась с девушкой, с которой у нее все было разным: воспитание, образование, взгляды на жизнь и на мужчин. Но других близких подруг у Нади не было. За пять лет учебы в институте она ни с кем не подружилась. Общалась, конечно, ни с кем не ссорилась, и некоторые девушки ей даже казались добрыми, приятными в общении, но у них была своя жизнь — имелись мужья, а порой уже и дети. А вот дружбы не получилось, значит, не притягивало сердце к ним. Раньше, в школе, были две девочки-подружки, с которыми, казалось, связывало все. И после окончания школы Надя общалась с ними — благо, что те жили неподалеку.

Позже одна из них, учась на третьем курсе, вышла за выпускника Морского корпуса и уехала с ним в Североморск, а вторая замуж не вышла, только почему-то стала от Нади скрываться. По слухам, она сильно растолстела и не желала, чтобы ее видели такую. Если бы не было новой подруги, Татьяны, Надя наверняка разыскала бы ее, но все было недосуг: работа, походы в театр и вечерние посиделки с Бровкиной.

А еще по выходным они вдвоем ходили по модным магазинам. Правда, Надя почти ничего себе не покупала, а вот Таня решила полностью сменить свой гардероб. В том, что девушка привезла с собой из родного города, по ее мнению, в офисе лучше не появляться. Впрочем, это стало сразу понятно, едва она устроилась на работу, а потому Надя давала ей что-нибудь из своего гардероба. Потом у Бровкиной появились собственные деньги, и она узнала о распродажах. Пару раз сходила одна, купила кучу всякой ерунды, вернулась домой и сама поняла это, а потому в набеги на магазины приглашала с собой Надю. Раза два с ними отправлялся и Саша. Но ходить с ним вдоль прилавков было не очень легко, потому что Холмогоров начинал набирать популярность, его узнавали, смотрели на него и разглядывали, да еще приставали, выпрашивая автографы. На подобные случаи у Нади имелась верная подруга, которая, видя, что Сашу окружают девчонки со сверкающими глазами, брала его под руку и уводила, плавно повиливая бедрами.

Естественно, ни Надя, ни Холмогоров Бровкиной даже не намекали, мол, пора бы той съехать, не задавали вопросов о том, когда девушка подыщет себе жилье. Даже когда звонили родители Нади и трубку снимала Бровкина, папа или мама интересовались у нее, как дела, как работа, и только потом просили пригласить к телефону свою дочь. Конечно, могло оказаться, что оба они воспринимают Татьяну как домработницу, но все равно были очень вежливы с ней.

Как-то незаметно прошел год.

Весной Холмогорову предложили роль российского разведчика-нелегала в полнометражном шпионском триллере, действие которого происходит в Мексике. Продюсеры выбрали место для съемок в Хорватии, и в июне съемочная группа отправилась туда. Саша должен был прилететь отдельно и не один: ему удалось уговорить продюсеров взять Надю ассистентом режиссера по работе с актерами. Она должна была проверять, как актеры учат текст, и подсказывать, в случае если кто-то что-то забудет. Татьяна отправилась в аэропорт их провожать. Когда объявили посадку на рейс, Бровкина обняла и прижала к себе Надю.

— Мне так хочется поехать с вами, — призналась она, — я никогда не отдыхала за границей.

— Так мы ведь не отдыхать летим, — напомнила Надя.

Таня обернулась и быстро чмокнула Сашу в подставленную щеку.

Супруги миновали таможенный пост и паспортный контроль. Холмогоров в последний раз обернулся, кинул взгляд на Бровкину и посмотрел на жену:

— Вроде Танька изменилась, — сказал он. — Или мне кажется?

— Похорошела?

— Не знаю, — дернул плечом Саша. — Но какая-то уже другая: не похожа на занюханную провинциалку.

За толпой веселых туристов, собирающихся к морю, за головами провожающих, за стойками и столами, шла к выходу Таня — шла не спеша, осторожно ставя ногу и держа спину прямо. Перед ней расступались, освобождая дорогу, на нее обращивались не только мужчины — девушка как бы плыла на этих взглядах навстречу ласковому солнцу, раскрывшему ей свои теплые объятия.

Глава 5

Месяц оказался очень долгим, потому что был переполнен работой и впечатлениями. Наде уже начинало казаться, что такая жизнь будет длиться вечно. Утром она одна спускалась в ресторанчик маленького отеля, в котором разместилась съемочная группа, проносилась вдоль холодильных прилавков шведского стола, сгребая в тарелки колбаски, салатки и фрукты. Потом поднималась к себе. Саша уже был в душе и по обыкновению что-то напевал.

— Завтрак в номер заказывали? — кричала обычно Надя.

Потом они вместе завтракали на балконе, смотрели на горы, откуда сползали к стареньким расшатанным пирсам красные черепичные крыши рыбацких деревушек. Над морем висела дымка, сквозь которую едва можно было разглядеть маленькие белые точки отелей Дубровника. Саша еще пил кофе, затягиваясь сигареткой, а Надя уже бежала будить актеров. В коридоре ее останавливал режиссер:

— Черкашина, сводку не слышала?

— Всю неделю солнце.

Режиссер ругался вслух. А потом пытался оправдаться:

— Дождь нужен — кровь из носа! Любой дождик, а уж мы его превратим в проливной.

Надо было снимать пропущенный эпизод из начала фильма — герой Холмогорова убегает с фазенды наркобарона, за ним гонятся головорезы, хлещет ливень, кто-то из преследователей срывается со скалы в пропасть, а герой, скользя по грязи, несется по склону, пока не вылетает на размытую дождем проселочную мексиканскую дорогу, где на обочине увяз джип симпатичной американской журналистки, оказавшейся потом офицером Федерального агентства по борьбе с наркотиками. Эпизод с погоней уже сняли в один из ясных вечеров, так как небо по-прежнему оставалось безоблачным. Двое гостиничных садовников запускали вертикально вверх струи из шлангов, а Надя лила

воду из лейки, держа ее перед самым объективом камеры.

Однажды утром Саша произнес:

— Баста, сеньоры! Сегодня мы Надеждой отдыхаем. И маньяна¹ отдыхаем. И после маньяна тоже. Трес диас — полная сиеста с фиестой. Три дня отдыха — какое счастье!

Съемки в Хорватии завершились. После чего надо было вернуться в Россию, немного поснимать там на натуре, затем последуют несколько съемочных дней в павильоне, озвучка и — все, для Холмогорова работа была окончена. Разумеется, не надолго. А для Нади последний съемочный день в Хорватии стал расставанием с миром кино. В России с актерами должен будет работать уже другой ассистент. Всей группе дали три дня на отдых, пляж и шопинг. А Надя с мужем провели это время в гостиничном номере, потому что не могли насладиться друг другом.

И в салоне самолета она сидела, склонив голову на плечо Холмогорова.

Ровно гудели двигатели, за шторкой окна висела газовая пелена невесомых прозрачных облачков. Кто-то рассмеялся у них за спинами...

И тогда Саша шепнул едва слышно:

— Мне обещали полторы тыщи за съемочный день. Выходит, сорок пять тысяч евро за этот месяц только. Может, машину купим?

¹ Маньяна — завтра (*исп.*).

— Как скажешь, — одними губами ответила Надя.

И сама не услышала своего голоса.

...Спектакль подходил к концу, но перед самым финалом Надя поднялась с приставного стульчика и выскользнула из зала. Ей надо было срочно попасть за кулисы, хотя она даже не знала зачем. Вероятно, по работе. Ей, судя по всему, заказали рецензию. Но какую и о чем? Она не помнила даже названия постановки, не то что действия. Вполне возможно, ставили «Волки и овцы», но и в этом Надя не была уверена. Если в самом деле Островский, то весьма странная интерпретация. В памяти не осталось ни имен персонажей, ни фамилий актеров, и представляемые образы ускользнули от нее, словно она и не была на спектакле вовсе.

Колыхнулась драпировка из пыльного плюша, за занавесом должен быть проход к служебным помещениям, но выбраться из портьеры не удавалось — Надя запуталась в ней и чем больше хваталась за ткань, тем темнее и страшнее ей становилось. Где-то далеко отзвучали аплодисменты и унеслись куда-то. Осталась только пыльная душная тишина. Надя хотела крикнуть, но не знала, кого можно позвать. И внезапно поняла, что бесполезно кого-либо звать, потому что она там, где уже никто не поможет. И от этой простой мысли стало вдруг муторно и жутко, испарина выступила на лбу, холодок пробежал по спине. Захотелось закричать, нет — заорать. Не звать кого-то на помощь, а имен-

но так распрощаться с жизнью, чтобы хоть кто-то услышал ее в последнее мгновенье.

Ткань вдруг начала раскручиваться, и Надю завертело как в водовороте. Наконец она поняла, что ее ничто не стесняет, не держит, и разглядела бледный свет ночника в театральном коридоре, а рядом с собой крупную фигуру какого-то старика. Хотела поблагодарить его, но только тут узнала. Это был народный артист Журавлев.

— Спасибо, Николай Георгиевич, — поблагодарила его Надя.

И вдруг осеклась, вспомнив, что Журавлев уже давно умер. Когда-то он и в самом деле приходил к ним домой, сажал к себе на колени маленькую дочку своих учеников, ставших его коллегами по театру, друзьями, произносил возле ее маленького ушка раскатистым бархатным басом:

У Лукоморья дуб зеленый.
Златая цепь на дубе том...

Он рассказывал так проникновенно и ясно, что Надя видела перед собой огромное дерево с густой кроной, ката, гуляющего по толстой золотой цепи, русалок, царевну в темнице и серого волка... Николай Георгиевич лучше всех читал стихи. Он был учеником самого Качалова, и многие, кто мог их сравнивать воочию, говорили, будто Журавлев в декламации даже превзошел своего великого учителя.

— Зачем ты здесь? — спросил у Нади старый актер, и от его голоса задрожала свеча ночника в пустом и жутком коридоре.

— Заблудилась, — прошептала Надя, замирая сердцем от того, что ей приходится разговаривать с человеком, которого уже давно нет на свете. Промелькнула почти безумная мысль: а вдруг Журавлев не умер, а просто ушел из театра? Сам же инсценировал свои похороны, и панихиду в Доме актера, и прощальные речи друзей и чиновников от искусства, сам написал тексты прощания и сказал, как надо произносить то или иное слово, а в каком месте делать паузу и смахивать платочком слезу...

— Не бойся, святая душа, — улыбнулся Николай Георгиевич и погладил ее по голове, — ступай себе с богом. Только будь осторожна — постарайся не встретить едоков картофеля.

Ночник вспыхнул и приблизился в одно мгновение. Теперь Надя стояла перед входом на темную лестницу. Она обернулась, чтобы увидеть мастера — человека, которому ее родители поклоняются всю жизнь, но позади была лишь тьма, и ничего больше. Надя вступила на каменные ступени и содрогнулась — те качались, и подниматься по ним было очень трудно. Но она шла и шла вверх. Потом свернула в какой-то коридорчик, затем в другой. И вдруг поняла, что не может найти выход. Надя металась в разные стороны, но везде были одни лишь каменные стены. Наконец блеснул слабый свет, и она пошла на него. Коридор постепенно

расширялся, еще несколько шагов, и Надя оказалась на пороге просторного помещения с высокими, теряющимися где-то наверху потолками. Шагах в десяти от входа стоял стол, освещенный висящей в воздухе лампадкой, на столешнице виднелось огромное блюдо с какой-то едой. Люди ужинали. Надя шагнула к ним, чтобы узнать, как выбраться из этого страшного места, и — замерла, потому что поняла: четверо людей, сидящих за столом совсем рядом, — неживые. Они неподвижны, они застыли в вечности. Даже нарисованная в воздухе лампа — предмет более одушевленный, чем эти существа...

Надя стала пятиться, стараясь остаться не замеченной этими людьми. Посмотрела на стол и задрожала от ужаса — по плоской поверхности перекатывались картофелины, и не просто перекатывались, а бегали одна за другой, что-то кричали друг другу и ругались — только слов не было слышно. Надя подняла взгляд и застыла: четверо человек, сидящих за столом, теперь смотрели на нее.

— Простите, — прошептала Надя, — мне надо идти.

После ее слов неживые люди переглянулись, и один из них кивнул. И тут все пространство, весь темный мир, который окружал Надю, затрясся, дрогнула лампа над столом, и в единое мгновение мир свернулся, как старый ковер, который кто-то смог так ловко сложить, перед тем как вынести во двор и выбить из него пыль...

Ровно работали двигатели, из-за шторы на иллюминаторе пробивалось солнце. По проходу авиалайнера стюардесса катила тележку с прохладительными напитками.

Глава 6

Татьяну они решили не предупреждать о своем приезде. Когда вышли из лифта, сразу услышали громкую музыку, которая неслась из-за двери их квартиры. Холмогоров отпер ключом дверь и вошел первым. Вошел, опустил на пол чемодан и остановился удивленный. Через проем входа в гостиную было видно, как какой-то невысокий темноволосый парень танцует с полной молодой женщиной. Они прижимались друг к другу в танце, рука парня скользила по полной талии все ниже и ниже, а женщина, которой, судя по всему, очень нравились его прикосновения, гладила мужскую ладонь, сжимавшую ее ягодицу, и откидывала голову назад, подставляя лицо для поцелуев.

Саша шагнул в гостиную.

— Добрый вечер, господа.

Взял лежащий на столе пульт от музыкального центра и выключил звук. Надя заглянула из-за спины мужа и увидела Татьяну, которая пыталась вырваться из крепких объятий другого парня. Бровкина попыталась вскочить, но тот, с кем она еще мгновение назад целовалась, удержал ее за шею.

— Сиди, я сказал.

— Так... Никто не хочет здороваться с хозяином дома? — удивленно произнес Холмогоров.

— Проходи и садись за стол, — махнул рукой мужчина, удерживавший Бровкину. — Бери кушать, пить бери, что хочешь. Хочешь коньяк, хочешь вино.

— В своем доме я могу обойтись без вашего приглашения, — тряхнул головой Саша. И посмотрел на Таню: — Что тут вообще происходит?

— Это моя старшая сестра Валя, — начала объяснять Бровкина, — а это ее коллеги по работе.

— Здравсьте, — широко улыбнулась Валя. И показала рукой на парней: — Аслан и Ахмет.

— Вы на овощном рынке трудитесь? — поинтересовался Холмогоров у старшей Бровкиной.

— Почему? — не поняла та. — В фирме работаю...

Оба парня внимательно изучали Холмогорова. Они, видимо, не ожидали, что хозяин квартиры окажется таким высоким и крепким.

— Если бы ты был в моем доме, — сказал приятель Татьяны, — то я бы тебя принял, как полагается.

— Дело в том, что я в чужие дома без приглашения хозяев не хожу. А если бы оказался в ситуации, подобной теперешней, то немедленно извинился бы и постарался поскорее исчезнуть. Чего от вас и жду.

Мужчины переглянулись. У них явно были свои планы на вечер, и уходить они не собирались.

— Ты хоть знаешь, кого гонишь? — поднимаясь с дивана, произнес тот, что сжимал в объятьях

Бровкину. — Понимаешь, что оскорбляешь нас? А оскорбления не прощают...

— Надеюсь, минуты вам хватит покинуть мой дом. Девушек можете с собой забрать. Напитки и закуски тоже прихватите, я все равно их выброшу.

Парни снова переглянулись. А Холмогоров снял пиджак, чтобы соперники увидели, какие у него накачанные руки.

— Время пошло. Через пятьдесят секунд я выбрасываю вас лично или приглашу для этого специально обученных людей в бронежилетах и с автоматами.

Саша взял за руку Надю и повел на кухню. Посадил ее на стул, а сам остался стоять. Отсюда было слышно, как собирают со стола, как звякает посуда и как, упав на пол, разбился бокал. Оба парня шепотом возмущались, но слов было не разобрать.

— Минута прошла! — крикнул Холмогоров в пространство коридора. — Вызываю ОМОН!

В прихожей прозвучали шаги. К входной двери подошла сестра Татьяна, отодвинула защелку и распахнула дверь. Тут же мимо нее проскочили оба парня, нагруженные полиэтиленовыми пакетами.

— Нашего ничего не прихватили? — крикнул им вслед Саша.

Таня не появлялась. А сестра ждала именно ее.

— Одну секундочку, — обратилась Бровкина-старшая к сидящим на кухне хозяевам, — последний штрих, как говорится. — И крикнула в сторону гостиной: — Ты скоро? Семеро одного не ждут.

Что ответила Татьяна, слышно не было, но ее сестра махнула рукой:

— Ну, как знаешь, расхлебывай все сама.

Дверь в квартиру захлопнулась. Холмогоров подошел и запер ее на задвижку. Не торопясь разулся, сунул ноги в домашние тапочки. В коридор вышла заплаканная Бровкина.

— Спасибо тебе, Саша, — прошептала она, — ты меня спас. Еще немного, и меня бы изнасиловали.

Холмогоров посмотрел на нее и покачал головой:

— Мне показалось...

— Тебе показалось, что я веселая? Так не кричать же! А вдруг бы ты полез в драку... Они страшные люди, у них ножи, могли ударить в спину. Я бы себе этого не простила.

Наде надоело просто присутствовать, сидя на кухне и делая вид, будто ничего не слышит и не понимает. Она тоже вышла в коридор.

— Здравствуй, Наденька, — прошептала Татьяна, — прости меня.

— Зачем ты их привела?

— Я? — возмутилась Бровкина. — Да я никогда бы не сделала такое! Все Валька придумала. Позвонила и сказала, что у нее для меня важное сообщение по поводу аренды квартиры. Я сказала: «Заходи». А она, гадина, привела этих...

Татьяна закрыла глаза руками, и плечи ее затряслись.

— Простите, простите, простите...

— Да ладно, — махнул рукой Саша, — сама хороша.

На том все и закончилось. Хотя нет, может быть, с этого все началось.

За балконной стеной гостиничного номера сияли звезды, а где-то внизу надрывались ночные цикады. Холмогоров поцеловал плечо жены, и она засмеялась.

— Щекотно? — спросил он. — Прости, но у меня по роли трехдневная щетина.

— Какая разница, есть у тебя щетина или нет, — ответила Надя. — Это я от счастья. Страшно даже подумать, что было бы, если б ты тогда не решился меня проводить.

— Решился бы в другой раз. Кстати, та попытка тоже была не первой.

— А почему ты выбрал именно меня? Ведь у нас столько красивых девушек училось?

— Причин много. Во-первых, ты красива, обаятельна, изысканна. Ты — вишенка в шампанском, а все другие рядом с тобой — шелуха подсолнечника в стакане дешевого портвейна. Ты умна, но не это самое важное. Причин очень много, а главное то, что я люблю тебя...

Это было в Хорватии. Вот и сейчас, проснувшись среди ночи, Надя подумала, что они еще там. Потому что хорошо и просто было на ее душе. Она обняла Сашу и прижалась к нему.

— Завтра надо съездить на студию, — сказал тот, не открывая глаз. — Решетов, если помнишь такого, позвонил и сообщил, что для меня имеется серьезное предложение.

Надя выскочила из метро и увидела стоящий на остановке автобус. Побежала к нему, хотела уже прыгнуть на ступеньку, но дверь захлопнулась перед самым ее носом. Автобус тронулся и — тут же остановился. Надя осторожно вошла внутрь.

— Спасибо! — крикнула она водителю.

— Меня благодари, — произнес женский голос за спиной. — Если бы я не завопила, этот нехристь так бы и уехал без тебя.

Надя обернулась и увидела Радецкую.

— Добрый день, Елена Юрьевна.

Пожилая дама подвинулась, освобождая часть сиденья, на котором сидела сама.

— Рассказывай, как устроилась.

Радецкая вела в институте историю театра и была очень требовательным преподавателем. Ей было за семьдесят, но выглядела женщина очень хорошо, а двигалась так грациозно и с таким достоинством, что многие студентки смотрели ей вслед с завистью. Елену Юрьевну уважали и боялись: сдать у нее экзамен с первого раза удавалось немногим. Надя была как раз из числа таких прилежных студентов. И, вероятно, поэтому Радецкая ее помнила хорошо. А может, еще и потому, что они жили поблизости и не так чтобы часто, но встречались в транспорте или в магазинах.